

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

**СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА СВОЕМУ КНЯЗЮ
ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМЕРОВИЧЮ**

Въструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребренья органы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслах. Востану рано,

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

**СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА, НАПИСАННОЕ ИМ СВОЕМУ КНЯЗЮ
ЯРОСЛАВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ**

Вострубим, как в златокованные трубы, во все силы ума своего и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри и в гуслях. Встану рано

исповѣмъ ти ся. Да разверзу въ притчах гаданія моя и провѣщаю въ языцѣх славу мою. Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть языкъ мой трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего и разбих злѣ, аки древняя младенца о камень.

Но боюся, господине, похуления твоего на мя.

Азъ бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имѣю плода покаянию; имѣю бо сердце, аки лице безъ очию; и бысть умъ мой, аки нощный вранъ на нарищи, забдѣх; и расыпаса животъ мой, аки хапаонскыи царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.

Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своя.

Но видих, господине, твое добросердие к собѣ и притекох къ обычней твоеи любви. Глаголетъ бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишенъ будещи царствія небснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и тои ты препитаеть въ вѣки.

Азъ бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застѣнии, на ню же ни солнце сияеть, ни дождь идет; тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенецъ. Возри на птица небсна, яко тии ни орють, ни сѣють, но уповають на милость божию; тако и мы, господине, желаем милости твоеа.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ на нем сѣдя плачь горкий; и кому ти есть Новъгород, а мнѣ и углы опадали, зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отврѣгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразличных бранешъ. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются и паки помагающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся. Тѣмъ же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лѣпше смерть, ниже продолженъ животъ в нищети. Яко же бо Соломонъ рече: ни богатства ми, ни убожества, господи, не даи же ми: аще ли буду богатъ — гордость восприиму, аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на разбои, а жены на блядню.

Тѣмъ же вопию к тобѣ, одержимъ нищетою: помилуй мя,

и расскажу тебе. Да раскрою в притчах загадки мои и возведу в народах славу мою. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотой и мудростью.

Был язык мой как трость книжника-скорописца, и приветливый уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние — младенцев о камень.

Но боюсь, господине, осуждения твоего.

Ибо я как та смоковница проклятая: не имею плода покаяния; ибо имею сердце — как лицо без глаз; и ум мой — как ночной ворон, на вершинах бодрствующий; и закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестием; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона.

Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей, как рабыня Агарь от Сарры, госпожи своей.

Но видел, господине, твое добросердечие ко мне и прибег к всегдашней любви твоей. Ибо говорится в Писании: просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь царствия небесного; ибо писано: возложи на бога печаль свою, и тот тебя пропитает вовеки.

Ибо я, княже господине, как трава чахлая, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не огражден я страхом грозы твоей, как оплотом твердым.

Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных — не падают они, не сеют, но уповают на милость Божию; так и мы, господине, ищем милости твоей.

Ибо, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький; кому Нов Город, а у меня в доме и углы завалились, так как не расцвело счастье мое.

Друзья мои и близкие мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многоразличными яствами. Многие ведь дружат со мной и за столом тянут руку со мной в одну солонку, а в несчастье становятся врагами и даже помогают поставить мне подножку; глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мной. Потому-то не имей веры к другу и не надейся на брата.

Не лгал мне князь Ростислав, когда говорил: «Лучше мне смерть, нежели Курское княжение»; так и мужи говорят: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Как и Соломон говорил: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, господи: если буду богат, — гордостью вознесусь, если же буду беден, — задумаю воровство или разбой», как женки распутство.

Вот почему взываю к тебе, одержим нищетою: помилуй меня,

сыне великаго царя Владимирера, да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужъ везде знаемъ есть и на чюжеи странѣ друзи держить; а убогъ во своей ненавидимъ ходитъ. Богатъ возглаголетъ — вси молчатъ и вознесутъ слово его до облакъ; а убогии возглаголетъ — вси на нь кликнуть. Ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ рѣчь честна.

Княже мой, господине! Избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенета, аки птенца отъ кляпци, яко утя отъ ногти носимаго ястреба, яко овца отъ усть лвовъ.

Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посѣкають его и на огнь мечють; тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоеа.

Яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человекъ, приемля многия бѣды. Никто же можетъ соли зобати, ни у печали смыслити; всякъ бо человекъ хитритъ и мудритъ о чюжеи бѣди, а о своей не можетъ смыслити. Злато съкрушается огнемъ, а человекъ напастьми; пшеница бо много мучима чистъ хлѣбъ являетъ, а в печали обрѣтаетъ человекъ умъ свръшенъ. Молеве, княжи, ризы ѣдятъ, а печаль человека; печалну бо мужу засышють кости.

Аще кто в печали человека призритъ, какъ студеною водою напоить во зноини день.

Птица бо радуется весни, а младенецъ матери; весна украшаетъ цвѣты землю, а ты оживляеши вся человекы милостию своею, сироты и вдовицы, отъ велможъ погружаемы.

Княже мой, господине! Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твой сладокъ и образъ твой красенъ; медъ истачають устнѣ твои, и послание твое аки рай с плодомъ.

Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сухъ хлѣбъ ядуща; или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиуща отъ мѣста незавѣтрена; егда лежиши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни, подъ единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стрѣлами сердце пронизающе.

Да не будетъ, княже мой, господине, рука твоя согбена на подание убогихъ: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашимъ иманиемъ твоего дому истощити. Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людемъ.

Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являетъ; тако и ты, княже, многими людми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ. Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго и показа имъ множество злата и сребра; они же рѣша:

потомок великого царя Владимира, да не восплачусь, рыдая, как Адам о рае; пусти тучу на землю убожества моего.

Ибо, господине, богатый муж везде ведом — и на чужбине друзей имеет, а бедный и на родине ненавидим ходит. Богатый заговорит — все замолчат и после вознесут речь его до облак; а бедный заговорит — все на него закричат. Чьи одежды богаты, тех и речь чтима.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.

Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей.

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует. Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может рассудить. Злато плавится огнем, а человек напастями; пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в напастях обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль — человека; печаль человеку кости сушит.

Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день.

Птица радуется весне, а младенец матери; весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостию своею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.

Княже мой, господине! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой как плод райский.

Когда услаждаешься многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в укрытом от ветра месте; когда же лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.

Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как невод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

Паволока, расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает; так и ты, княже, множеством своей челяди честен и славен во всех странах являешься. Некогда ведь похвалился царь Иезекииль перед послами царя вавилонского и показал им множество злата и серебра; они же сказали:

«Нашъ царь богатѣи тебе не множествомъ злата, но множествомъ воя; зане мужи злата добудуть, а златомъ мужеи не добыти». Яко же рече Святославъ князь, сынъ Ольжинъ, ида на Царьградъ с малою дружиною, и рече: «Братиа! намъ ли от града погинути, или граду от нас пленену быти?» Яко же бог повелить, тако будетъ: поженетъ бо единъ сто, а от ста двигнется тма. Надѣяся на господа, яко гора Сионъ не подвижится въ вѣки.

Дивиа за буяномъ кони паствити, тако и за добрымъ княземъ воевати. Многожды безнарядиемъ полци погибають. Видихъ: великъ звѣрь, а главы не имѣеть; тако и многи полки без добра князя.

Гусли бо страются персты, а тѣло основается жилами; дубъ крѣпокъ множествомъ коренна; тако и градъ нашъ твоею дръжавою.

Зане князь щедръ отецъ есть слугамъ многимъ: мнозии бо оставляють отца и матеръ, к нему прибѣгають. Доброму бо господину служба, дослужится слободы, а злу господину служба, дослужится болшей работы. Зане князь щедръ, аки рѣка, текуща без бреговъ сквози дубравы, напаяюще не токмо человекѣи, но и звѣри; а князь скупъ, аки рѣка въ брезѣхъ, а брезѣи камены: нѣлзи пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладязъ сладокъ при пути напаяеть мимоходящихъ; а бояринъ скупъ, аки кладязъ сланъ.

Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дръжи села близъ княжа села: тивунъ бо его аки огонь трепетицею накладенъ, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеша устречися и сождения портъ.

Господине мой! Не лиши хлѣба нища мудра, ни вознесе до облакъ богата несмыслена. Нищъ бо мудръ, аки злато в кални судни; а богатъ красенъ и не смыслить, то аки паволочито изголовие соломы наткано.

Господине мой! Не зри внѣшняя моя, но возри внутренняя моа. Азъ бо, господине, одѣниемъ оскуденъ есмь, но разумомъ обилень; унъ възрастъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ. Быхъ мыслию паря, аки орелъ по воздуху.

Но постави сосудъ скуделничъ подъ лѣпокъ капля языка моего, да накаплють ти слажше меду словеса устъ моихъ. Яко же Давидъ рече: сладка сут словеса твоя, паче меда устомъ моимъ. Ибо Соломонъ рече: словеса добра сладостью напаяють душу, покрывають же печаль сердце безумному.

Мужа бо мудра посылай и мало ему кажи, а безумнаго посылай, и самъ не лѣнися по немъ ити. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго дому пира. Лѣпше слышати прѣние умныхъ, нежели наказанна безумныхъ. Даи бо премудрому вину, премудрие будетъ.

«Наш царь богаче тебя не множеством золота, но множеством воинов; ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть». Как сказал князь Святослав, сын Ольгин, когда шел на Царьград с небольшою дружиною: «Братья! нам ли от этого города погибнуть или городу от нас быть пленену?» Как бог повелит, так и будет; погонит один сто, а от ста побегут тысячи. Тот, кто надеется на господа, не дрогнет вовек, как гора Сион.

Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать. Часто из-за отсутствия порядка полки погибают. Видал: огромный зверь, а головы не имеет, так и многие полки без хорошего князя.

Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится жилами; дуб силен множеством корней, так и град наш — твоим управлением.

Ибо щедрый князь — отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и мать и к нему приходят. Хорошему господину служба, дослужиться свободы, а злому господину служба, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь — как река, текущая без берегов через дубравы, поит не только людей, но и зверей; а скупой князь — как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый — как колодезь с пресной водой при дороге: прохожих поит; а боярин скупой — как колодезь соленый.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжого села: ибо тиун его — как огонь, на осине разожженный, а рядовичи его — что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устеречься и одежду прожжешь.

Господине мой! Не лиши хлеба нищего мудрого, не вознеси до облак глупого богатого. Ибо нищий мудрый — что золото в грязном сосуде, а богатый разодетый да глупый — что шелковая подушка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я внутри. Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе.

Но поставь сосуд гончарный под капельницу языка моего, да накаплет тебе слаще меду слова уст моих. Как Давид сказал: «Сладки слова твои, лучше меда они устам моим». Ибо и Соломон сказал: «Слова добрые сладостью напояют душу, покрывает же печаль сердце безумного».

Ибо мудрого мужа посылай — и мало ему объясняй, а глупого посылай — и сам вслед не ленись пойти. Очи мудрых желают блага, а глупого — пира в доме. Лучше слушать спор умных, нежели совета глупых. Наставь премудрого, и он еще мудрее станет.

Не сѣи бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных. Безумных бо ни сѣють, ни орють, ни в житницу собирают, но сами ся родят. Какъ в утель мѣх лити, такъ безумнаго учить; псомъ бо и свиньямъ не надобѣ злато, ни сребро, ни безумному драгии словеса; ни мертвеца росмѣшити, ни безумнаго наказати. Коли пожреть синиця орла, коли камень въсплавлет по водѣ, и коли иметь свинья на бѣлку лаяти, тогда безумныи уму научится.

Или ми речеши: от безумиа ми еси молвилъ. То не видал есмь неба польстяна, ни звиздъ лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющъ. Или ми речеши: сългалъ еси аки песъ. Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: сългалъ еси аки тать. Аще бых украсти умѣлъ, то толко бых к тобѣ не скорбилъ. Дѣвиця бо погубляетъ красу свою бляднею, а мужъ свое мужество татбою.

Господине мои! То не море топить корабли, но вѣтри; не огонь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное; тако же и князь не самъ впадаетъ въ вещь, но думци вводятъ. З добрымъ бо думцею думая, князь висока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая, меншего лишенъ будетъ.

Глаголетъ бо в мирскихъ притчах: не скоть въ скотѣх коза; ни звѣрь въ звѣрех ожь; ни рыба въ рыбах ракъ; ни потка въ потках нетопырь; не мужъ в мужех, иже кимъ своя жена владѣеть; не жена в женах, иже от своего мужа блядетъ; не работа в работах под жонками повозъ возити.

Дивнѣи дива, иже кто жену поймаеть злообразну прибытка дѣля.

Видѣх жену злообразну, причюще к зеркалу и мажущися румянцемъ, и рѣх ей: не зри в зеркало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль примеша.

Или ми речеши: женися у богата тѣстя чти великиа ради; ту пии и яжь. Ту лѣпше ми волъ буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти: волъ бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бѣема бѣсѣтѣся, а кротима выситѣся, въ богатествѣ гордость приемлетъ, а в убожествѣ иных осужаеть.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская. Что есть жена зла? Мирский мятежь, ослѣпление уму, началница всякой злобѣ, въ церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада от спасения.

Аще который муж смотритъ на красоту жены своеа и на я, и ласковая словеса и льстива, а дѣль ея не испытаетъ, то даи богъ ему тряскею болѣти, да будетъ проклят.

Но по сему, братиа, рассмотрите злу жену. И рече мужу своему: господине мои и свѣте очию моею! Азь на тя не могу зрѣти: егда глаголеша ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю,

Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Ибо глупых не сеют, не жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят. Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупому — мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь. Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится.

Неужели скажешь мне: от глупости все мне это наговорил? Не видел ты неба холстяного, ни звезд из лучинок, ни глупого, говорящего мудро. Неужели скажешь мне: солгал как пес? Но хорошего пса князь и бояре любят. Неужели скажешь мне: солгал как вор? Если бы украсть умел, то к тебе бы и не жаловался. Девушка ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество — воровством.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаюсь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишится.

Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах — для женок повоз возить.

Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради. Видел жену безобразную, прикинувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотришь в зеркало — увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой; у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней — заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, заграда от спасения.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят.

Вот и распознайте, братья, злую жену. Говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, когда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и падаю на землю».

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своей. Жены же у церкви стоите молящися богу и святѣи богородици; а чему ся хотите учить, да учитесь дома у своих мужей. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрѣсти добры жены.

Добра жена вѣнецъ мужу своему и безпечалие; а зла жена лютая печаль, истощение дому. Червь древо тлеть, а зла жена домъ мужа своего терять. Лутче есть утли лодии ездѣти, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лѣпше есть камень долоти, нежели зла жена учить; желѣзо уваришь, а злы жены не научишь.

Зла бо жена ни учения слушаетъ, ни церковника чтить, ни бога ся боить, ни людей ся стыдить, но всѣх укоряет и всѣх осушаетъ.

Что лва злѣи в четвероногих, и что змии лютѣи в ползущих по земли? Всего того злѣи зла жена. Нѣсть на земли лютѣи женской злобы. Женою сперва прадѣдъ нашъ Адамъ из рая изгнанъ бысть; жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворенъ бысть; жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша, и лви ему нозилыху. О злое, острое оружие диаволе и стрѣла, лѣтящей с чемеремъ!

Нѣ у кого же умрѣ жена; онъ же по матерных днех нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: чему дѣти продаешь? Он же рече: аще будутъ родилися в мать, то, возрошьши, мене продадутъ.

Еще возвратимся на предняя словеса. Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвенный сотъ; тако и азъ, по многим книгамъ исьбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мѣх воды морския.

Да уже не много глаголю. Не отмѣтай безумному прямо безумию его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану с нимъ много глаголати. Да не буду аки мѣх утель, роня богатство в руди неимущим; да не уподоблюся жорновом, яко тии многи люди насыщаютъ, а сами себе не могут насытитися жита; да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою, яко же бо птиця, частяще пѣсни своя скоро възненавидима бываетъ. Глаголетъ бо в мирских притчах: рѣчь продолжена не добро, добро продолжена паволока.

Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, господи, вся челоуѣкы под нози его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк.

Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест — глава церкви, а муж — жене своей. Жены, стойте же в церкви и молитесь богу и святой богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо не легко найти хорошую жену.

Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалне, а злая жена — горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтит, ни бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Сперва из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

У некоего человека умерла жена, он же по смерти ее начал продавать детей. И люди сказали ему: «Зачем детей продаешь?» Он же ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут».

Но вернемся к прежнему. Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела — припадая к разным цветам и собирая мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как в мех воды морские.

Скажу не много еще. Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему. Не стану с ним много говорить. Да не буду как мех дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновам, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом; да не окажусь ненавистным миру многословною своею беседою, подобно птице, частящей свои песни, которую вскоре же ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсона, храбрость Александра, разум Иосифа, мудрость Соломона, искусство Давида и умножь, господи, всех людей под пятою его. Богу нашему слава, и ныне, и присно, и вовеки.